

Национальная идентичность: авто/гетеростереотипы

Т.Г. Струкова
(Россия)

El artículo trata el problema de la identidad como una categoría específica que tiene relación con el individuo, la nación y la raza. R. Gari analiza las crisis de identidad y los auto/héteroesterotipos, que son difíciles de superar.

Идентичность как логическая категория означает отношение, члены которого одинаковы по отношению друг к другу. Проблема идентичности дискутируется на протяжении нескольких десятилетий, в частности, она рассматривалась критической теорией (М. Хоркхаймер, А. Адорно), к этому феномену обращались Э. Левинас, французские постструктуралисты и американские деконструктивисты (Ж. Деррида, Ж. Дёлез, Ж. Бодрийар, Ф. Лиотар, Ю. Кристева, Д. Х. Миллер, Х. Блум и др.).

В 60-е годы Э. Эриксон внедряет в междисциплинарный научный оборот понятия *идентичность* и *различие*. Э. Эриксон полагал, что идентичность — это «чувство непрерывной самоидентичности», когда человек понимает образ «Я» целостным и неразрывным, в совокупности с культурными и социальными связями. Процесс адаптации личности не является постепенно-поступательным, он периодически резко нарушается, что вызывает кризис идентичности, который стимулирует следующий этап идентичности или социализации. Эта теория оказала влияние на философию и художественную практику постструктурализма.

Американские психологи Б. Слугоский и Дж. Гинзбург интерпретировали положения Эриксона в нарративно-дискурсивном ключе. Они считают, что люди используют объяснительные дискурсы, чтобы «скоординировать проецируемые ими идентичности, то есть проекты своего Я, внутри которых они должны выжить» (Text of Identity, 1989, p.50). Слугоский и Гинзбург пересмотрели эриконовскую модель эго-идентичности как способ лингвистического саморассказа о себе и других. Эго-рассказы всегда обусловлены конкретной эпохой во всех ее проявлениях, а человек видит себя таким, каким его видят другие. В трактовке Слугоского и Гинзбурга идентичность — это генерализованный Другой.

Ж. Лакан, отталкиваясь от совершенно иных предпосылок, приходит к выводам, которые созвучны концепции Слугоского и Гинзбурга. По мнению Лакана, идентичность является сферой, где личность существует и действует в качестве целого. Идентичность — это характеристика отношения человека к самому себе, его «самопринадлежность». В другом контексте, который можно обозначить как социокультурный, идентичность подчеркивает принадлежность индивидуума коллективу. Согласно типу коллектива (государство, нация, этническая, культурная группа, субкультура и т.д.) выделяются политическая, национальная, культурная, субкультурная, гендерная и другие идентичности. Подчеркнем, что в строгом смысле слова идентичность является атрибутом личности, любые варианты «коллективной идентичности» в обязательном порядке требуют объяснения.

Ж. Дёлез («Различие и повторение», 1968) и Ж. Деррида («Письмо и различие», 1967) рассматривали первичность понятия *различие* по отношению к

идентичности. В собственном восприятии этноса и в формировании представления о другой национальной идентичности, культуре, литературе, языке огромную роль играют автостереотипы и гетеростереотипы. Автостереотипы – это комплексные представления (исторические, культурные, эстетические, психологические, социальные, политические, этические, языковые и т.д.) этноса о самом себе. Для автостереотипов характерно смягчение или отсутствие критического отношения к носителям данной национальности и культуры. Важно отметить, что в автостереотипах возможна насмешка, самоирония и даже сатира, но только в том случае, если они артикулируются представителями самого этноса.

Гетеростереотипы отражают то, что думают люди по поводу другого этноса, при этом традиционные устойчивые модели формируют национальное сознание, воздействуют непосредственно на психологические реакции и на поведение во время межнациональной коммуникации. В гетеростереотипах отражается многообразный эмоциональный спектр: симпатии, предрассудки, предубеждения, антипатии, которые с большим трудом преодолеваются и которые неизбежно в той или иной форме являют себя при встрече с другой культурой. Чаще всего гетеростереотипы критичны по отношению к другой расовой, национальной идентичности.

Авто и гетеростереотипы со всей очевидностью являют себя в автобиографической повести Ромен Гари «Белая собака» (1970). Действие повести отнесено к 1968 году, знаменитому выступлением студентов Сорбонны в Париже, убийством Мартина Лютера Кинга в США. Место событий — Беверли-хиллс, где писатель жил со своей женой голливудской звездой Джин Сигур. 17 февраля 1968 года к ним прибилась красивая породистая овчарка, которую автор назвал Батшкой. У Батшки обнаружился, на взгляд гуманиста Гари, ужасный недостаток: пес ласково встречал белых гостей и с бешенством бросался на людей с черным цветом кожи. Как ему объяснили в питомнике, это была так называемая «белая собака». Предки Батшки прошли отбор и дрессировку на плантациях Юга, они были натасканы на поимку беглых рабов. Гари решает «восстановить справедливость» и отучить собаку нападать на негров, а для этого уговаривает чернокожего дрессировщика Киза перевоспитать пса, потому что в доме нельзя держать «собаку, которая в глазах наших чернокожих друзей была воплощением веков рабства и своим присутствием постоянно о них напоминала» (Гари, 1998, с. 22).

Рассказ о белой собаке переплетается с повествованием о том, как Америка «искупала вину» перед чернокожими, проводя собрания, желая идти в «семьи, чтобы лучше понять афроамериканцев», а жена писателя решила принять участие в восстановлении справедливости, жертвуя деньги на создание «школы без ненависти» (там же, с. 16). «Между тем, мне не следовало бы на них злиться: позади у них века рабства. Я не говорю о чернокожих. Я говорю о белых. Вот уже два века они рабы принятых идей и предрассудков, благоговейно передаваемых от отца к сыну, два века покорно следуют этим торжественно провозглашаемым, предписанным идеям, которые держат в тисках их сознание, подобно тем колодцам, что в давние времена еще с детства деформировали ноги китайских женщин» (там же, с. 26).

В словах и действиях «прогрессистов» Гари видит лицемерие, едва прикрываемое рассуждениями о правах человека. «Должен также признаться, что я испытываю острую антипатию к «профессору» <...> Один из тех прогрессистов,

которые возмущаются обществом потребления — и занимают у вас деньги, чтобы пуститься в спекуляцию недвижимостью. Терпеть не могу людей, чей политический радикализм порожден тайными психологическими комплексами, а не социологическим анализом. Если молодежь упрекает, и совершенно справедливо, некоторых последователей Фрейда в том, что они пытаются приспособить их к больному обществу, то и старания противоположной стороны, тех, кто хочет приспособить общество к своей больной психике, не представляется мне решением проблемы» (там же, с. 11).

Писатель с гневом и болью говорит, что происходящее в Америке менее всего имело отношение к уважению этноидентичности. Его волнует нравственное состояние общества, которое использует любую возможность, даже такую страшную, как гибель Мартина Лютера Кинга от рук чернокожего экстремиста, только для того, чтобы набить мощну. «Каждый день на обочине движения за гражданские права возникают мини-группки, чья деятельность имеет одну-единственную цель — обеспечить экономическое выживание их «руководящих комитетов» (...) Я никогда не совал нос в финансовые дела Джин Сиберг. Однако с момента своего приезда наблюдаю не меньше полудюжины мудозвонов, мошенников и вечных пикаро, которые играют — и выигрывают, — делая ставку на ее двойное чувство вины; во-первых, кинозвезды (одного из самых призраемых существ, ибо никому на свете так не завидуют); во-вторых, лютеранки с ее обостренным чувством *первородного греха*» (курсив автора. — Т. С., там же, с. 17).

Гари пишет не только о телесном тождестве людей разных национальностей и разных цветов кожи. Это как раз то, что является единым антропоморфным признаком, объединяющим человечество. Писатель с горечью замечает, что первотолчком в трагической истории различных наций, этносов, социальных групп было стремление властвовать, доминировать над Другим, не воспринимая этого Другого равным самому себе. Агрессия копилась с обеих сторон, никто, ни авторитарная сторона, ни обиженная, не желали изменять парадигму коммуникации. Гари отмечает сходство поведения: люди не способны разорвать цепь устойчивых авто и гетеростереотипов, научиться преодолевать или отбрасывать штампы восприятия. Он пытается пробиться через заскорузлый слой ненависти и бросает чернокожему дрессировщику упрек: «Вы упускаете единственный стоящий шанс, который есть у чернокожих — быть другими. Вы напрасно так стараетесь походить на нас. Слишком много чести делаете нам. Да, мы так хорошо поработали, что, даже если наша чертова порода полностью исчезнет, ничего не изменится.

— Очень может быть, — говорит он (Киз — Т.С.), но главное, *чтобы это не помешало вам исчезнуть...*» (курсив автора. — Т. С., там же, с. 53).

Ненависть, зависть, застарелые обиды, враждебность — все это не позволяет человеку, принадлежащему к одной нации или этносу, воспринимать других как равных себе. Гари констатирует что, в современном мире доминирует не *различание* (Ж. Деррида), а тождество. Категория *различания* предполагает равнозначность во множестве, тогда как категория *тождества* означает неразличимую одинаковость. Люди с яростью держатся за свои предрассудки, они не желают менять, в первую очередь, свою жизнь, потому что тогда не остается никакого оправдания собственной злобе. Чернокожие женщины, которым помогала Джин Сиберг, своеобразно отблагодарили ее за поддержку: отравили

двух кошек, прокололи шины в машине, стреляли по окнам дома, угрожали по телефону. Гари услышал шокирующее объяснение от своего чернокожего друга-адвоката: «Их приятели организовали маленькую кампанию устрашения, чтобы отстранить Джин. Чтобы наши славные женщины могли сохранить для себя лично свою нищету, свою привилегию на страдания и гонения, не делаясь этим со звездой. <...> Таким образом, они сами останутся звездами негритюда, звездами своей осажденной крепости» (там же, с. 49-50).

Писатель блестяще демонстрирует, что люди всегда ориентируются на автостереотипы, на внешнюю сторону, а не на внутреннюю сущность индивида. Во время майских событий 1968 года Гари пытается пройти в Париже через полицейский кордон, выставленный против студентов, и получает от жандарма удар дубинкой. «Мгновение гнева, и потом все вдруг проясняется: у меня борода, я в джинсах, в куртке, без галстука и — верх неприглядности — вместе с молодым негром» (там же, с. 46). Для современного читателя поясню: в 1968 году в Париже в джинсы одевались только студенты, маргиналы, оппозиционеры.

Гари устраивает настоящую провокацию: «Переодеваюсь в свой самый изысканный костюм, прикрепляю розетку Почетного легиона, надеваю свою парадную хомбургскую шляпу, сделанную на заказ у Желло» (там же). Теперь уже полицейские трогательно предостерегают уважаемого человека, а какой-то забастовщик готов ударить его железным прутком. Студенты, которые ранее видели в нем своего, «узнают видного врага народа и затевают дискуссию» (там же, с. 47).

Какая блистательная пародия на права человека, какая ледяная ирония по поводу тезиса о равенстве и братстве, когда-то начертанного на знаменах Французской революции, какая едкая похвала глупости. Гари продолжает гуманистические традиции европейской литературы, для которой было свойственно тонкое понимание человеческой природы, об устойчивых предрассудках восприятия телесности писали Свифт, М Шелли, В. Гюго.

А Киз сломал «белую собаку», он превратил ее в «черную собаку». По свидетельству Джин, «в этом было что-то подлое. «Прежде всего, в смехе Киза — это был смех победителя. Бывают все же другие триумфы, а этот был так же отвратителен, как всякая победа террора <...> Потому что первым делом возникал вопрос: каким образом он добился этого? Истязаниями? Невозможно было без боли смотреть на эту обезумевшую, растерявшуюся собаку, переставшую подчиняться собственным рефлексам, запуганную, запутавшуюся, обманутую и сбитую с толку людьми — жертву истории...<...> Благое намерение «спасти», «вылечить» собаку не имело к этой истории никакого отношения. Это была борьба между людьми» (там же, с. 24).

В конце повести Батка, став бойцовой черной собакой, тяжело ранит Ллойда, друга писателя, а затем бросается на Гари, который когда-то приютил его и которого пес любил. «Я видел, как рядом со мной падали и умирали товарищи, но когда я хочу напомнить себе, каким может быть выражение отчаяния, недоумения и страдания, я представляю себе взгляд этого пса. Внезапно он задрал голову и издал душераздирающий, исполненный дикой, темной печали вой. Мгновение спустя он уже был на улице. <...> *Двадцать минут спустя я нашел его на руках у Джин. На его теле не было ни одной царапины. Он свернулся калачиком у нашей двери и умер*» (курсив автора. — Т. С., там же, с. 52-53).

То, что происходит в социуме, то, что человечество проделывает само с собой, превышает, по мнению автора, пределы разумного, и поэтому закономерно напрашивается заключение — современное общество больно, и болезнь эта заразна. Каждый этнос, каждая нация, каждая субкультура, идентифицируя себя, действуют с позиций непрощенчества, явного или подспудного желания унижить другого, но в этой жажде взять верх унижают себя и проигрывают в борьбе без правил самое главное — человеческое достоинство. Гари точно диагностировал то, что происходило в самой богатой стране мира: «Я не могу долго оставаться вдали от Америки, потому что еще не настолько стар, чтобы перестать интересоваться будущим, тем, что меня ждет. Здесь решается *наша* судьба, Америка испытывает нас яростно, жестоко, иногда подло, она в остром кризисе...» (курсив автора. — Т. С., там же, с. 51).

Конфликт, в который оказались втянутыми белые и черные, американцы, французы, евреи, не имел конструктивного разрешения. Никто не ориентировался на эффект *разнесения* (Ж. Деррида), предполагающий равенство *различий* и стимулирование положительно выстроенных отношений. Гари демонстрирует торжество агрессивного тождества, когда самость не терпит дружость. А ведь дорога к пониманию себя и Другого, по мнению автора, пряма и проста: не унижать и не унижаться, не повторять тяжелых ошибок прошлого и не скатываться во враждебность самого разного свойства, которая в любом случае останется враждой, какими бы оправданиями она не прикрывалась, воспринимать мир во всем многообразии красок и проявлений.

Основной камертон повести звучит печально: люди с огромным трудом понимают равновеликость чужой жизни, других национальных или этнических устоев и норм. Они не желают отказываться от убеждений, пусть ошибочных, но греющих душу тем, что они свои. Однако самое опасное, на взгляд писателя, заключается в том, что этнические, национальные, личностные ценности (одни — существуют для определения этноса или группы, другие — являются достоянием отдельного индивида) навязываются остальным, провоцируя обиду, ревность, состояние униженности. Писатель, рассматривая с разных сторон проблему национальных, расовых авто/гетеростереотипов, решает болезненный вопрос о том, как разорвать петлю непонимания и вражды, которая затягивается все туже и туже.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

ГАРИ Р., 1998. *Белая собака* // Иностранная литература. № 6, 1998.

TEXT OF IDENTITY, 1989 / Ed. by J. Shotter, K. J. Gergen. L., N.Y.

EL SIGLO FE BORGES: HOMENAJE A JORGE BORGES EN SU CENTANARIO, 1999. In 2 vols. Masríd, Frankfurt am Main. Vol.1 Retrospectiva, presente, futuro / Alfonso de Toro y Fernando de Toro (ed.).

DERRIDA, J., 1978. "VIOLENCE AND METAPHYSICS". *WRITING AND DIFFERENCE*. L.: Routledge and Kegan Paul.